

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

«МАНИФЕСТ» КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Валуев Дмитрий Георгиевич, аспирант

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр-т академика Вернадского, 4

E-mail: dgvaluev@gmail.com

Статья посвящена исследованию манифеста как текста, имеющего особый смысл. Автор обращает внимание на ограниченность и недостаточность распространенного подхода к манифесту как «событию», так как он заставляет взглянуть на текст как на пересечение внешних для текста социокультурных обстоятельств, анализ которых реконструирует манифест в качестве одного из многочисленных текстовых форматов. Это обстоятельство, по мнению автора статьи, уводит от понимания его внутреннего имманентного смысла. Философское исследование, ставящее своей задачей прояснение такого смысла текста, должно опираться на идею автономии текста и тезис о нередуцируемости смысла к совокупности социокультурных условий. Предлагается видеть в манифесте, с одной стороны, акт текстового поведения в значении *conduct*, т. е. как осмысленный акт, длящийся усилием автора независимо от внешних условий, а, с другой стороны, как феномен особой топологией – закрытое место, подлежащее рефлексивному определению изнутри. Подобная исследовательская оптика дает возможность феноменологического рассмотрения прояснения внутреннего смысла текстов типа «манифест».

Ключевые слова: текст, манифест, манифестарный текст, *behavior*, *conduct*, прагматика текста, диалог, монолог

“MANIFESTO” AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL RESEARCH

Valuev Dmitriy G., postgraduate student

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

4 Vernadskogo Ave., Simferopol, 295007, Russian Federation

E-mail: dgvaluev@gmail.com

The article is devoted to the study of the manifesto as a text of special meaning. The author draws attention to the limitations and insufficiency of the common approach to the manifesto as an "event," as he forces to look at the text as an intersection of sociocultural circumstances external to the text, the analysis of which reconstructs the manifesto as one of numerous text formats. This fact, in the opinion of the author of the article, prevents the understanding of its internal intrinsic meaning. Philosophical research, which aims to clarify such meaning of the text, it should be based on the idea of autonomy of the text and the thesis of the non-permissibility of meaning to the set of sociocultural conditions. It is proposed to see in the manifesto, on the one hand, the act of textual conduct (no behavior), i.e. as a meaningful act lasting by the effort of the author regardless of external conditions, and, on the other hand, as a phenomenon with a special topology – a closed place subject to reflexive definition from the inside. Such research optics provide an opportunity for phenomenological consideration and clarification of the internal meaning of texts such as "manifesto."

Keywords: text, manifesto, manifest text, *behavior*, *conduct*, text pragmatics, dialogue, monologue

Печатный станок Иоганна Гутенберга дал человеку возможность делиться мыслями с большим количеством людей, преодолевая расстояние в пространстве и разрыв во времени. Эта возможность привела к широкому распространению текстовой культуры, которая в течение нескольких веков становясь общедоступной, не только стала средой создания, усвоения и трансляции идей, но и обнаружила способность текста оказывать воздействие на умы, побуждать совершать определенные действия. Такой практический потенциал хорошо виден

---

¹ Выполнено при поддержке РФФИ проект 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения» (Implemented with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project 20-011-00622 "Philosophy as an Action: Pragmatics of Textual Behavior").

у известных 95-ти тезисов М. Лютера, положивших начало Реформации и протестантизму. Политические памфлеты в североамериканских колониях настроили людей на борьбу за независимость. Современные рекламные листовки способны подтолкнуть к совершению лишней покупки. Появились тексты, природа которых выражается исключительно в их воздействии на читателя. Среди них особое место занимают манифесты. «Манифест Коммунистической партии» стал настольной книгой для социалистов и марксистов прошлого и настоящего, европейский авангард и модернизм заявили о себе соответствующими манифестами, с издания манифестов начинались многие политические процессы в XX в. (движение против войны в Алжире, попытки либерализации коммунистического режима в Чехословакии в 1968 г. и др.).

На первый взгляд, в наши дни изобилие способов и средств воздействия на массовую аудиторию обеспечено социальными сетями, позволяющими обращаться к адресату или собеседнику напрямую, а призыв к действию может уместиться в компактное сообщение, подкрепляться визуальным сопровождением, как в «вирусных» видеороликах и контекстной рекламе. Однако сетевая форма коммуникации не отменила давно и хорошо знакомый призывный – «манифестный» – способ обращения к читателям. Так, в 2017 г. евроскептики издали свой манифест «Европа, в которую мы сможем верить» [25] и поднимают правые силы на борьбу с мультикультурализмом и толерантностью, а в январе 2019 г. газета «*Liberation*» публикует «Европейский дом в огне!» [21] в качестве ответа сторонников единой Европы на рост популярности правых сил. В США летом 2019 г. Уильям Ван Спенсер совершает «революционное самоубийство» и рассылает прощальное письмо-манифест [10], в котором призывает бороться с современным капитализмом, а в России интеллектуальное сообщество публикует так называемое «Письмо политологов» [13], которое уже окрестили манифестом борьбы против государственного произвола. Можно не упоминать множество других писем, видеообращений, аудиозаписей, публикаций в социальных сетях и т. п., которые их авторы или читатели называют манифестами. Более того, некоторые произведения изобразительного искусства, архитектурные постройки и пр. также именуются художественными или архитектурными манифестами. Можно утверждать, что мы наблюдаем «бум манифеста» как способа осуществления текстового воздействия: обращения, призыва, заявления (*manifestus* – явный). Назовем текстовое выражение такого воздействия **манифестарным текстом**, имея в виду не только и не столько жанр, а, прежде всего, практический, прагматический и даже перформативный потенциал текста, с помощью которого автор имеет намерение не только *объявить* и *заявить*, но и призвать к действию.

Культурно-историческая и социальная значимость манифестарных текстов подтверждается заметным интересом исследователей. Например, в групповом интервью В. Вахштайн, М. Соколов и А. Корбут рассуждают о манифесте как о средстве реализации культурно «должного», противостоящего репрессивному «сущему». Они видят в нем и акт политического высказывания, способствующий созданию нового коммуникативного сообщества, и средство перераспределения символического и культурного капитала [2]. М. Эпштейн уделяет особое внимание встроению манифеста в процессы культурной трансформации, которые, в свою очередь, определяют векторы изменения самого манифеста как феномена литературы [20]. Т. Симян фокусируется на проблеме функциональности манифеста внутри коммуникативного пространства и генезисе манифеста как жанра [16]. Манифесты анализируются как компоненты того или иного движения внутри искусства, с одной стороны, свидетельствующие о его зарождении, с другой, закрепляющие и распространяющие его в культуре [22]. Как бы ни был широк исследовательский интерес к манифестам, их объединяет одно: манифест рассматривается в качестве производной от социокультурных обстоятельств и его характеристики зависят от предметных интересов исследователя. Мы же придадим ему статус предмета философской текстологии и рассмотрим в качестве текстового формата, имеющего определенные коммуникативные задачи, несущего определенный смысл и имеющего соответствующую цель.

Какова специфика философского рассмотрения манифестарного текста? Какова существенная особенность текста типа манифест? На эти вопросы будет отвечать данная статья.

Какова специфика философского рассмотрения манифестарного текста? Ответ на этот вопрос требует разъяснения, как вообще возможно философское размышление о тексте как таковом. Следуя за тезисом Г. Хармана о том, что «мы достигаем объекта не путём последовательного сложения его возможных явлений, а путём их вычитания» [18, с. 34],

попробуем очистить текст от привнесённого извне, из совокупности множества социокультурных обстоятельств. Попытаемся замкнуть текст на самом себе, углубиться в его сущностное, смысловое ядро, проследить, как оно определяет его форму, и понять специфику практической интенции его автора, особенности «манифестного» обращения, призыва, заявления.

Как вообще возможно философское рассуждение о тексте? Обычно мы рассматриваем текст как результат деятельности автора, итог происходящих в его жизни событий: текст как результат встроен в событийную канву. В этом случае он гетерономен, входит в некую «ситуацию» и находится на пересечении, в сплетении множества обстоятельств в одной точке времени и пространства, у него есть свои «где?», «когда?» и «почему?». Эти обстоятельства делают создание текста и актом, и «событием» придают неповторимость ситуации, анализ которой даёт возможность разглядеть само событие. Проясняет ли этот анализ суть текста, его смысл? Предварительный ответ – нет. Приведем ряд аргументов в пользу этой негации:

а) поскольку ситуация, выраженная в обстоятельствах, позволяет случиться акту-событию, то необходим учет ряда переменных, находящихся за рамками акта-события и признание весомой роли внешних, социальных сил в оформлении акта-события. Именно они оформляют текст, привносят в него то, что из него может и не вычитываться (например, характеристика эпохи, душевные качества автора и проч.). Это то, что А. М. Пятигорский назвал «субъективной ситуацией»: она «...предполагает не только живую действительность, в которой создавался текст, но и изменяющееся внутреннее состояние автора текста...» [15, с. 18]. Так появляются «*текст как социальный объект*», «*текст как политический инструмент*», «*текст как памятник культуры*» и т. п. Текст в качестве предмета как бы «растягивается», а его сущность теряется в «семейных сходствах», во множестве свойств, находящихся за его границами, в социокультурной реальности;

б) акт-событие возможен только внутри момента, т. е. одной временной точки, и на другие временные точки не переходит. Если переход осуществляется, то мы можем фиксировать наличие не события, а состояния. Состояние пассивно, оно требует постоянства и фиксации внешнего мира в тех формах и с теми механизмами воздействия, при которых оно становится возможным. Для состояния значимы не сопутствующие обстоятельства, а условия. Мы говорим, что событие «*происходит* при таких-то обстоятельствах», а состояние «*существует*, благодаря таким-то условиям» и в рассуждении, построенном на анализе ситуации, противопоставляем событие и состояние друг другу.

Наш подход нацелен на преодоление этого противопоставления, на ликвидацию разрыва между «существовать» и «случаться». Если возможна феноменология текста, то только на основе рассмотрения его в качестве интенционального акта, т. е., по выражению А. М. Пятигорского, «...если создание текстов рассматривать как разновидность поведения, создание текста – как акт поведения...» [15, с. 19]. Если при этом нас интересуют существенные, смысловые особенности текста, то понятие «поведение» здесь следует вовсе лишить каких-либо бихевиористских коннотаций. Иначе говоря, необходимо говорить о поведении не в значении **behavior**, а в значении **conduct**. Тогда текст как результат осмысленного акта может быть понят и без погружения читателя в совокупность обстоятельств его создания и помещения на их уже упоминавшееся «пересечение», так как смысл такого текста способен «длиться», преодолевая силу социокультурных и психологических обстоятельств.

Итак, рассуждение на основе реконструкции ситуации создания уводит от самого текста как феномена, оно не фокусируется на механизме воспроизводства его смысла, не отвечает на вопрос, почему текст может прочитываться именно так, как задумывал автор. Кажется, что от этого вопроса можно избавиться, если смысл текста «поручить» читателю, как это сделали, например, С. Фишер [23] или У. Эко [19]. Но тогда текст тоже лишается собственной сущности, помещаясь в виртуальное пространство коммуникации между автором и читателем или между текстом и читателем.

Как говорить о тексте, не прибегая к помощи не-текста? Если оставить пространственную терминологию и ассоциативный ряд, то здесь может помочь отказ от понятия «ситуация» в пользу понятия «место». Более того, необходимо начать рассуждения не с «места текста», а именно с «текста-как-места» – сам текст должен мыслиться как топологическое понятие.

И если ситуативный контекст позволяет что-либо определить и интерпретировать, то место само нуждается в определении и интерпретации.

Чем определяется место? Акт-событие происходит здесь и сейчас, событие не стремится растянуться на весь временной отрезок, оно не может мыслиться в отрыве от обусловленного уникальной ситуацией момента. Место в своем собственном бытии безразлично ко времени. Оно стремится быть на любом отрезке времени или не быть привязанным к нему вовсе, оно стремится к тому, чтобы определяться одинаково всегда. Подобную задачу может выполнить либо что-то настолько же безразличное ко времени, либо стремящееся максимально продлить своё существование на временной оси. На эту роль подходит **действие как процесс**, понимаемый как продолжительное и систематическое взаимодействие элементов. Процесс всегда стремится к самовоспроизводству, к единообразию операций внутри него, благодаря чему он и становится явлением продолжительным. Именно благодаря конкретному процессу, совершаемому в пределах места, мы в обыденной жизни определяем: «место учёбы», «рабочее место», «посадочное место» и т. д. В пользу этого утверждения может свидетельствовать и тот факт, что как только меняется характер взаимодействий внутри определенного места, меняется и определение места. Чтобы сделать из храма музей, не обязательно убирать иконостас и перекрашивать мозаики, требуется просто изменить процессы внутри него: вместо литургии проводить экскурсии, вместо совместной молитвы священства и мирян поставить гида с информационным монологом о культурной значимости сооружения. Похожее происходит и с текстом. Не нужно переписывать «Манифест коммунистической партии», чтобы из манифеста он превратился в исторический источник, нужно заставить говорить его содержание иначе, чем предлагает сам текст – это и служат определенные исследовательские методы в рамках исторической науки.

Почему нужно говорить о «месте», а не о «пространстве»? В отличие от пространства вообще, место всегда конкретизировано – оно есть локализованное пространство. Пространство имеет горизонт, место – границы. Если горизонт ограничивает пространство мира, то место очерчивается благодаря предметам. Корректнее будет сказать, что границы места – это набор предметов, которые своим наличием и связанностью его задают. Учебное место ограничивается стулом, столом, учебными пособиями на нём, тетрадями и пишущими принадлежностями, самим учеником. Между ними протекает процесс взаимодействия, выстроенный по определенной логике, который позволяет назвать место учебным. Текст на формальном уровне точно также представляет набор структурных элементов, сюжета, метафор, риторических оборотов, отсылки пр., что в совокупности выстраивается в некое единство, позволяющее тексту существовать и воспроизводить конкретный смысл.

Итак, о тексте можно рассуждать как о закрытом месте, где происходит процесс взаимодействия внутренних элементов, создающий сам текст. Предписывая процессу взаимодействия элементов подобную роль, нужно учесть, что любой процесс имеет начало, некий толчок в определенном направлении, который и задаёт вектор самого процесса. Он должен случиться в рамках того места, где будут происходить все последующие взаимодействия. Толчок сам по себе не систематизирован, он бесформен. Процесс, который он порождает, обязан обладать формой, иначе он не может быть устойчивым, иначе он постоянно подвергался бы распаду или рассеиванию. Хорошей иллюстрацией будет аналогия с ребёнком: когда он рождается, то способен только кричать, т. е. выражать своё состояние бесформенном виде, а миру остается только угадывать его желания. Но через некоторое время он научается говорить и выражать то, что раньше передавал криком. Благодаря тому, что его желания получают форму, они становятся доступными для понимания окружающими.

Текст дан нам уже в своём «обузданном» виде, он уже представлен в определенных формах, с которыми читатель вступает во взаимодействие при прочтении. Но исчерпывается ли этим набором форм его смысл? Точнее будет спросить: является ли текст именно набором форм? Форма подобна указателю, помогающему читателю определиться с направлением своего понимания. Структурное единство форм подобно маршрутному листу, предоставляющему читателю возможность ознакомиться с маршрутом в целом и прообразом места назначения. Другими словами, форма есть средство, благодаря которому текст может «говорить» с читателем. Следуя за Хайдеггером, можно сказать, что «средство по своей сути есть "для того

чтобы "<...>"для-того-чтобы" есть отсылание чего к чему» [17, с. 88], она должна указывать нам на текст как на феномен, на сущность текста.

С другой стороны, форма – это средство осуществления встречи читателя и текста. Может быть, сущность текста заключена внутри него, но текст всегда предполагает его прочтение читателем. В связи с этим форма текста не только способна раскрыть нам его сущность, она позволяет ей свершиться, дает читателю возможность сопереживать. Текст всегда производит на него определенное воздействие, пытается приблизить его к разгадке смысла, в нем заложенного. Иначе говоря, мы всегда встречаемся и с прагматикой текста. Чтобы лучше понять способ воздействия текстом, уподобим его пружине. Форма текста подобна сжатой пружине, она всегда отображает текст как феномен уплотнённый, сжатый. При встрече с читателем пружина разжимается, и сущность текста как бы высвобождается, воплощается в его прагматическом эффекте. В таком случае «манифестарный текст» будет таким текстом, который выделяется не благодаря корреляции с чем-то за текстом и не на основе его формальной представленности. То, что рождается внутри текста, и то, какое воздействие текст оказывает согласно ему, и будет определять сущность всех манифестов.

Какова сущностная особенность текста типа манифест? Держа в уме идею текстовой автономии и несводимости его смысла к совокупности социокультурных обстоятельств, мы не можем относиться к тексту как к данности вне человеческой воли, независимой и не сопричастной творчеству автора. Если что-то и может существенно воздействовать на его рождение, то только при условии включенности в сознание автора, в его замысел. Чистой структурой такого замысла можно считать классическую пару *Ego* (собственного Я автора) и *alter Ego* (Другого как другого Я автора). Текст – место встречи структур опыта Я и опыта Другого, где под последним понимается «первопорядковое Я». Как пишет Э. Гуссерль, «... это я сам, конституированный внутри моей собственной сферы первого порядка, и притом конституированный в своей единичности как психофизическое единство – как личное Я» [4, с. 121].

Так или иначе, процессы между *Ego* и *alter Ego* начинаются со встречи. Они сталкиваются друг с другом как с неизвестными и непреодолимыми данностями. Примером могут послужить ситуации морального выбора, когда *Ego* испытывает ограничения, накладываемые *alter Ego* в разных его проявлениях: Я-как-Отец, Я-как-Гражданин и т.п. Более того, *Ego* пребывает в мире множества *alter Ego*, у человека слишком много лиц в современном мире. Как бы мы ни рассуждали о подобных ситуациях, очевидными остаются противоречия отношений между *Ego* и *alter Ego* и необходимость в их разрешении. Как отметил В. Изер, мы можем говорить скорее о «децентрированной позиции человека: он существует, но не распоряжается собой» [5, с. 44]. Внутри таких отношений – потребность в разрешении вопросов типа «кто я?», «кто ты?» и «что мне делать?». А. Пятигорский, размышляя о художественном тексте, разрешает эту ситуацию в пользу признания наличия диалога между *Ego* и *alter Ego*, так как именно внутри него могут быть получены ответы [14, с. 266]. Они способны дать *Ego* знание о нём самом. Это знание становится продуктом, который возможен только при обращении *Ego* к *alter Ego* и по получению от него ответа. Однако *Ego* может его получить, но не инкорпорировать, а ответ, хоть и исходит от *alter Ego*, но больше ему не принадлежит. Это знание-ответ как бы «провисает» между ними, образует, согласно Пятигорскому, третье лицо, «Своё». Оно позволяет перенести и заключить в нём страдания, надежды и опыт, возникающие внутри диалога *Ego* и *alter Ego*. Благодаря этому возможно его осмысление и оформление в определенной и логически завершенной текстовой форме, к примеру, в романе.

Зададим вопрос: обязателен ли диалог между *Ego* и *alter Ego*? Если да, то манифестарный текст отличен от других текстов своей нетипичной не-диалогичностью! Возьмём за отправную точку позицию М. Бубера, который считал диалог основой и литературы, и любого творчества. Более того, он возводил диалог в статус идеала творческой деятельности, говоря, что он «...свидетельствует о наличии органической субстанции духа» [1, с. 140]. Действительно, герои художественных произведений часто настолько суггестивными, что читатели называют их «живыми». Будь то нигилист Базаров, аристократ-революционер Ставрогин, малолетняя Лолита или потерявшийся во времени Пётр Пустота, они, так или иначе, находятся в постоянном отношении с окружающим миром: они наблюдают, созерцают и воспринимают

его как Другого и в ходе этих отношений изменяются и преобразуются вместе с ним. Но М. Бубер предполагал возможным и иную ситуацию – **скрытого монолога**. Его маркерами выступает 1) желание каждого из собеседников самоутвердиться и 2) отношение к Другому как к объекту. Бубер отзываясь о подобном монологе негативно, утверждая, что «... любовь без диалогичности, без движения навстречу другому, без обретения другого и пребывания в другом <...> называется Люцифером» [1, с. 142]. Если согласиться с М. Бубером последовать за этим стремлением к взаимной объективации, то монолог может раскрыть нам сущность манифестов.

Выдвинем первую гипотезу: топологическое понимание текста как места позволяет сконцентрировать внимание на отношениях внутри текста. Именно характер отношений между двумя полюсами текста, *Ego* и *alter Ego*, дают толчок смысловому генезису текстов типа манифеста. Он начинается не благодаря диалогу, который позволяет *Ego* увидеть свою самость, по Пятигорскому, и не во «взаимной направленности внутреннего действия», по Буберу, а внутри монолога *Ego*, где *alter Ego* всего лишь вещь, объект, составляющий для *Ego* проблему. В пользу этой гипотезы – форма текста. Манифест как форма, в некотором роде, несоразмерна содержанию, она подобна пружине, сжатой с двух сторон. Наша задача – «разжать пружину» и вытащить из формы феномен, насколько это возможно. Отметим в этой связи:

1. В манифестарном тексте нет героев, в том же смысле, что и в художественном тексте, нет собирательного образа повествователя, который часто является неотъемлемой частью повествования. Манифестарный текст реализуется только благодаря первому лицу единственного или множественного числа, будь то манифест футуристов или русских баячей, манифесты русских царей или левых радикалов [6; 9; 11; 12].

2. В манифестарном тексте самоутверждается тот, кто скрывается за первым лицом. Оно пытается «состояться», что формально выражается в использовании иллокутивных и перформативных высказываний, к примеру: «Из Италии мы провозглашаем...» [11], «Мы пришли, чтобы вооружить против себя мир!» [6], «Мы можем сопротивляться... Мы можем бороться за открытый партизанский доступ» [24].

3. Манифестарные тексты выстраиваются вокруг борьбы Я/Мы с определенным Другим. Другой может быть представлен социальной группой, конкретным лицом или некими общественными / природными силами. Он, как правило, является выражением Зла – тот, кто унижает, подавляет и эксплуатирует «я / мы». Другой клеймится, а его действия описываются как угрожающие миропорядку: «...недостойными извергами из народа, – есть дело страшное, позорное, неслыханное в России» [9], «Нет справедливости в следовании несправедливым законам» [24], «...современная планировочная архитектура не может считаться искусством вообще. Наша архитектура подверглась цензуре...» [7].

4. В манифесте Я не просто пытается бороться с Другим, оно пытается распространиться, умножиться. Ярче всего это выражается в форме обращения к третьим лицам, как это сделано в Манифесте коммунистической партии («Пролетарии всех стран соединяйтесь!») [8]. В косвенной форме, как в «Гуманистическом манифесте 2000», через отсылку к некой общности, в которую включаются как третье лицо, так и автор манифеста: «...наущной задачей мирового сообщества является...» [3]. Более того, Я стремится не просто подключить третьих лиц к борьбе, оно требует принятия образа своих мыслей и действий, что часто выражается в декларативном изложении основных принципов борьбы/деятельности и готовому ответу на вопрос «кто мы?».

Итак, на уровне формальной представленности манифестарного текста мы можем обнаружить следы заключенного внутри текста монолога Я. Этот монолог выстраивается вокруг борьбы Я с Другим, где последний представляется кем-то или чем-то, угнетающим Я, и его устранение становится первостепенной задачей. Для этого оно стремится навязать третьим лицам как образ Другого, так и систему действий по его устранению. Именно эта составляющая будет главным элементом прагматики манифестарного текста. Призыв осуществляется не для того, чтобы обсуждать план действий, а для того, чтобы их совершить, о проблеме общается не для того, чтобы о ней знали, а для того, чтобы от неё избавились. Внутри манифестарного текста выстраивается определенная конфигурация мира и человека как деятельного и действующего субъекта. Он предлагает читателю принять на себя определенную

антропологическую модель, понять «кто Я?», «где Я?» и «что мне необходимо делать?». Эта модель – призыв к действиям против мира здесь и сейчас, ради мира (светлого) будущего.

Подход и понимание **прагматики манифестарного текста, которая составляет его сущность**, ставит перед исследователем вопросы о выделении его репрессивной природы, о необходимости семантического анализа текстов типа манифеста и изучении комплексного антропологического воздействия манифестов на современного читателя.

Список литературы

1. Бубер, М. Диалог / М. Бубер // Два образа веры. – Москва : АСТ, 1999. – 592 с.
2. Вкус к жанру манифеста. – URL: <http://russ.ru/pole/Vkus-k-zhanru-manifesta>.
3. Гуманистический манифест. – URL: <http://www.humanism.ru/manifest2000/55-manifest1.html>.
4. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Складнева. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – 315 с.
5. Изер, В. Изменение функций литературы / В. Изер // Современная литературная теория. Антология. – Москва : Флинта, 2004. – С. 3–45.
6. Манифест «Друзей Дуррути». – URL: <http://www.aitrus.narod.ru/Spandurruty.htm>.
7. Манифест заплесневелости / Фриденсрайх Хундертвассер. – URL: http://www.hundertwasser.ru/philosophy/pages/1958-Mouldiness_Manifesto-RUS-Hundertwasser.html.
8. Манифест коммунистической партии. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>.
9. Манифест о незыблемости самодержавия. – URL: <http://doc.hist.ru/19/o-nezyblemosti-samoderzhaviya-vysochayshiy-manifest-29-aprelya-1881-g>.
10. Манифест Уильяма Ван Спронсенаака Эмма Дуррути. – URL: <http://www.chaosss.info/spronsenmanifest>.
11. Манифест футуризма. – URL: <http://futurismrus.narod.ru/firstman.htm>.
12. Первый всероссийский съезд баячей будущего. – URL: <http://blog.pirx.ru/2011/05/15/bayachi-buduschego>.
13. Письмо политологов. – URL: <https://www.facebook.com/kirill.rogov.39/posts/3236285276389070>.
14. Пятигорский, А. М. «Другой» и «Свое» как понятия литературной философии // Пятигорский А. М. Избранные труды. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 264–270.
15. Пятигорский, А. М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Пятигорский А. М. Избранные труды. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 15–30.
16. Симян, Т. С. К проблеме манифеста как жанра: генезис, понимание, функция / Т. С. Симян // Критика и семиотика. – 2013. – № 2 (19). – С. 130–148.
17. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.
18. Харман, Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера / Г. Харман ; пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. – Пермь : Гиль Пресс, 2015. – 152 с.
19. Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах / У. Эко. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2003. – 295 с.
20. Эпштейн, М. Н. О жанре / М. Н. Эпштейн. – URL: http://www.emory.edu/INTELNET/mt_bonsai.html.
21. «Il y a le feu à la Maison Europe», le manifeste des patriotes européens. – URL: https://www.liberation.fr/planete/2019/01/25/il-y-a-le-feu-a-la-maison-europe-le-manifeste-des-patriotes-europeens_1705305.
22. Dimovski, V. An Approach to Avant-Garde Manifestoes / V. Dimovski // Actual Problems of Theory and History of Art. – St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2011. – Vol. 1. – P. 353–358.
23. Fisher, S. Self-Consuming Artifacts: The Experience of Seventeenth-Century Literature / S. Fisher. – Berkeley, CA : U of California P, 1972. – 432 p.
24. Guerilla Open Access Manifest. — URL: https://archive.org/stream/GuerillaOpenAccessManifesto/Goamjuly2008_djvu.txt.
25. The Paris Statement. A Europe We Can Believe In. – URL: <https://thetrueeurope.eu/a-europe-we-can-believe-in>.

References

1. Buber, M. Dialog [Dialog]. *Dvaobraza very* [Two images of belie]. Moscow, AST Publ., 1999, 592 p.
2. *Vkus k zhanru manifesta* [Taste for the genre of the manifesto]. Available at: <http://russ.ru/pole/Vkus-k-zhanru-manifesta>.
3. *Gumanisticheskii manifest* [Humanist Manifesto]. Available at: <http://www.humanism.ru/manifest2000/55-manifest1.html>.
4. Gusserl, Ye. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998, 315 p.
5. Izer, V. *Izmenenie funktsiy literatury* [Changing the function of literature]. *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya* [Modern literary theory. Anthology]. Moscow, Flinta Publ., 2004, pp. 3–45.
6. *Manifest "Druzey Durruti"* [Manifesto "Friends of Durruti"]. Available at: <http://www.aitrus.narod.ru/SpaceDurruty.htm>.
7. *Manifest zaplesnevelosti* [Manifesto of Flattery]. Available at: http://www.hundertwasser.ru/philosophy/pages/1958--Mouldiness_Manifesto--RUS--Hundertwasser.html.
8. *Manifest kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. Available at: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>.
9. *Manifest o nezyblemosti samoderzhaviya* [Manifesto on the inviolability of autocracy]. Available at: <http://doc.histrf.ru/19/o-nezyblemosti-samoderzhaviya-vysochayshiy-manifest-29-aprelya-1881-g>.
10. *Manifest Uilyama Van Spronsenaaka Yemma Durruti* [William Van Spronsen aka Emma Durruti Manifesto]. Available at: <http://www.chaosss.info/spronsenmanifest>.
11. *Manifest futurizma* [Manifesto of futurism]. Available at: <http://futurismrus.narod.ru/firstman.htm>.
12. *Pervyy vserossiyskiy sezd bayachey budushchego* [The first All-Russian Congress of the Baiachy Future]. Available at: <http://blog.pirx.ru/2011/05/15/bayachi-buduschego>.
13. *Pismo politologov* [Letter of political scientists]. Available at: <https://www.facebook.com/kirill.rogov.39/posts/3236285276389070>
14. Pyatigorskiy, A. M. "Drugoy" i "Svoe" kak ponyatiya literaturnoy filosofii ["Other" and "His" as concepts of literary philosophy]. *Pyatigorskiy A. M. Izbrannye trudy* [Pyatigorsky A. M. Selected works]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kultury" Publ., 1996, pp. 264–270.
15. Pyatigorskiy, A. M. Nekotorye obshchie zamechaniya otnositelno rassmotreniya teksta kak raznovidnosti signala [Some general comments regarding the consideration of the text as a form of signal]. *Pyatigorskiy A. M. Izbrannye trudy* [Pyatigorsky A. M. Selected works]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kultury" Publ., 1996, pp. 15–30.
16. Simyan, T. S. K probleme manifesta kak zhanra: genesis, ponimanie, funktsiya [To the problem of the manifesto as a genre: genesis, understanding, function]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2013, no. 2 (19), pp. 130–148.
17. Heidegger, M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkiv, Folio Publ., 2003, 503 p.
18. Harman, G. *Chetveroyakiy obekt. Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [Four-Man Object. Metaphysics of things after Heidegger]. Perm, Gil Press, 2015, 152 p.
19. Yeko, U. *Shest progulok v literaturnykh leash* [Six walks in literary forests]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2003, 295 p.
20. Yepshteyn, M. N. *O zhanre* [About a genre]. Available at: http://www.emory.edu/INTELNET/mt_bonsai.html.
21. *"There is a fire at Maison Europe", the manifesto of European patriots*. Available at: https://www.liberation.fr/planete/2019/01/25/il-y-a-le-feu-a-la-maison-europe-le-manifeste-des-patriotes-europeens_1705305.
22. Dimovski, V. An Approach to Avant-Garde Manifestoes. *Actual Problems of Theory and History of Art*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2011, vol. 1, pp. 353–358.
23. Fisher, S. *Self-Consuming Artifacts: The Experience of Seventeenth-Century Literature*. Berkeley, CA: U of California P, 1972, 432 p.
24. Guerilla Open Access Manifesto. Available at: https://archive.org/stream/GuerillaOpenAccessManifesto/Goamjuly2008_djvu.txt.
25. *The Paris Statement. A Europe We Can Believe In*. Available at: <https://thetrueeurope.eu/a-europe-we-can-believe-in>.